

А. П. Карпинский, академик А. С. Орлов, член-корреспондент Академии наук Н. К. Пиксанов и др.⁸¹

Деятельность Луначарского в Пушкинском доме не была продолжительной. Но личность выдающегося большевика и ученого оставила неизгладимый след в жизни ИРЛИ, в сознании трудившихся в нем сотрудинок, коммунистов и беспартийных. С ним связаны первые шаги новообразованного высшего литературоведческого учреждения Академии наук. Под его руководством началась борьба за внедрение последовательного марксизма в изучение истории русской литературы. Он был страстным пропагандистом изучения классического наследия в Пушкинском доме, и с него берет начало поворот к серьезному изучению этого наследия. При нем были задуманы первые академические собрания сочинений русских писателей, в частности собрание сочинений А. С. Пушкина.

Луначарский расширил диапазон деятельности института, включив в нее изучение древнерусской литературы, признал необходимым изучение западных литератур, имея в перспективе исследование их взаимосвязей с русской, а также устного народного творчества, без связи с которым не мыслил изучения литературы. Все эти начинания закрепились в Пушкинском доме и дают плодотворные результаты.

И самое важное: утверждавшийся А. В. Луначарским «революционный, коммунистический, марксистско-ленинский академизм»,⁸² сочетающий внимание к фактам и «мелочам» с размахом теоретической мысли, берущий все лучшее от старого академического литературоведения и применяющий ленинский подход к изучению литературных явлений — вот его самый ценный и жизненный завет Пушкинскому дому.

Е. В. БАРСОВ. О ЗАПИСИ И ИЗДАНИЯХ «ПРИЧИТАНИЙ СЕВЕРНОГО КРАЯ»

(ПУБЛИКАЦИЯ О. Б. АЛЕКСЕЕВОЙ)

3 января 1896 года в Большом зале Московского Политехнического Музея состоялось заседание Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, посвященное знаменитой народной поэтессе И. А. Федосовой. На заседании присутствовала и сама И. А. Федосова. Вступительное слово произнес В. Ф. Миллер.¹ С большой речью о причитаниях Федосовой выступил перед собравшимися Е. В. Барсов. К этому времени он закончил подготовку материалов сваденных причитаний, записанных от И. А. Федосовой, которые должны были составить отдельный, третий том «Причитаний Северного края».

Доклад-статья Е. В. Барсова «О записи и изданиях „Причитаний Северного края“, о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц, несмотря на некоторую незавершенность, вызывает большой интерес. Сообщение Е. В. Барсова расширяет наши представления о знаменитой воленице, содержит живые зарисовки ее облика. В литературе, посвященной творчеству Ирины Федосовой, самые яркие страницы принадлежат М. Горькому. Кроме очерков о Федосовой в «Одесских ведомостях» и «Нижегородском листке», Горький об олонедкой воленице как замечательной народной поэтессе пишет и в «Жизни Климса Самгина». Эти высказывания великого писателя об Ирине Федосовой ныне стали хрестоматийными. В письме к А. П. Чапыгину от конца июля—начала августа 1926 года Горький снова вспоминает о Федосовой, о больших достоинствах ее поэзии: «Есть в памяти сердца и разума моего одно потрясающее, исключительное впечатление, его, пожалуй, можно сравнить с тем, что Глеб Успенский испытал в Лувре, пред Венерой... Моя Венера — Ирина Федосова, маленькая, кривобокая старушка, олонедкая „сказительница“ былии... Она дала мне что-то, чего ни до, ни после ее я не испытывал».² Горький подчеркивает эмоционально-художественную глубину причитаний Федосовой, «выпрямляющую» силу ее творчества. Для Горького Федосова — величайшая поэтесса.

Ценность публикуемых материалов Е. В. Барсова заключается прежде всего в том, что они фактически дополняют горьковские характеристики, подтверждают оригинальность дарования Федосовой. Важно, что о Федосовой на этот раз говорит

⁸¹ Вечера Академии наук, посвященные памяти акад. Анатолия Васильевича Луначарского. «Вестник Академии наук СССР», 1934, № 1, стр. 49—50.

⁸² «Литература», 1931, № 1, стр. 6.

¹ Содержание вступительного слова В. Ф. Миллера передано в статье Г. И. Куликовского «Олонедкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве». «Олонедские губернские ведомости», 1896, № 4, 17 января.

² «Литературное наследство», т. 70, 1963, стр. 648.

ученый, который «открыл» олонеккую вопленицу, от нее самой узнал о ее жизни, записал ценнейшие фольклорные тексты.

Работа Е. В. Барсова является важным документом для понимания творческой истории «Причитаний Северного края». Она воспроизводит обстановку, в которой производилась запись федосовских причитаний, сообщает дополнительные факты, проливающие свет на биографию поэтессы, проясняет и личность самого Барсова, о котором мы имеем лишь самые общие сведения.

Е. В. Барсов говорит о причинах, побудивших его заняться поисками знатоков русской причеты в Олонецком крае, о незабываемых встречах с Ириной Федосовой. Существенное место в докладе занимает и описание тех трудностей, с которыми столкнулся собиратель при публикации «Причитаний».

В докладе-статье Е. В. Барсов полностью приводит текст инструкции, выработанной специальной комиссией по подготовке «Причитаний» к изданию. Документ этот отражает фольклорно-текстологические и эдиционные принципы того времени.

Говоря о статьях и рецензиях, вызванных появлением I тома «Причитаний Северного края», Е. В. Барсов сообщает отзыв известного английского фольклориста, историка литературы, критика и переводчика Вильяма Рольстона, появившийся в журнале «Академу».³

Доклад Е. В. Барсова значительно дополняет его вступительную статью к I тому «Причитаний». Ученый-сборитель как бы подводит итог работы с Федосовой, обобщает свои наблюдения, отчитывается перед научным обществом. Он касается и более специальных вопросов, выясняет некоторые художественные принципы построения причитаний, связь этой поэзии с обрядами и с действительностью «во всех отрадных и безотрадных ее проявлениях», раскрывает «поразительную оригинальность» художественного языка Ирины Федосовой. Е. В. Барсов говорит и о малоизвестном до сих пор факте существования при Федосовой хора подголосниц и воспроизводит конкретную картину творческого содружества вопленицы и ее хора.⁴

Пристального внимания заслуживают и замечания, сделанные Барсовым по поводу изданий свадебных причитаний, записанных от Федосовой О. Х. Агреновой-Славянской. Отзыв Барсова суров, но справедлив. Фольклористы, как нам кажется, должны учитывать замечания Е. В. Барсова при обращении к текстам, опубликованным в сборниках О. Х. Агреновой-Славянской.

Свой доклад, прочитанный в Политехническом Музее, Е. В. Барсов предполагал опубликовать в виде статьи-послесловия к III тому «Причитаний Северного края», который так и не появился в печати.⁵ Исследователи творчества Ирины Федосовой обращались к этой работе Барсова, цитируя из нее отдельные отрывки. Так, К. В. Чистов в книге «Народная поэтесса И. А. Федосова» цитирует эту ценнейшую рукопись, а также использует факты, сообщаемые Е. В. Барсовым, не всегда указывая их источник.

Работа Е. В. Барсова публикуется нами по авторской рукописи.⁶ Рукопись, несмотря на пометки, поправки, перечеркнутые и перепутанные страницы, по всей вероятности, предназначалась как наборный экземпляр для типографии. На ней имеются характерные пометы: «Печатать с новой страницей», «Верстать с новой страницей» и т. п. Текст публикуется с учетом требований современной орфографии и пунктуации. Слова, выделенные разрядкой, подчеркнуты в самой рукописи, курсив наш.

О ЗАПИСИ И ИЗДАНИЯХ «ПРИЧИТАНИЙ СЕВЕРНОГО КРАЯ», О ЛИЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИРИНЫ ФЕДОСОВОЙ И ХОРЕ ЕЕ ПОДГОЛОСНИЦ⁷

Я считаю бесполезным ознакомить ученый мир с тем, 1) как и при каких условиях записываемы мною «Причитания Северного края»; 2) как и при каких условиях происходило издание записанных «Причитаний»; 3) как, наконец, отно-

³ В. Рольстону (1828—1889) принадлежат переводы произведений русской литературы и многочисленные труды, посвященные русской культуре и искусству, в том числе и фольклору. См. о нем в работе М. П. Алексеева «Ч. Диккенс. Письма Вильяму Ролстону» (Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, 3. Под ред. М. П. Алексеева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 365—369).

⁴ В работах о Федосовой нет никаких упоминаний о хоре, существовавшем при вопленице, об этой своего рода «поэтической школе» олонекских воплениц.

⁵ Об этом намерении свидетельствует, например, пометка на первом листе рукописи: «В самый конец тома». Материалы, которые должны были составить III том «Причитаний Северного края», находятся в Государственном историческом музее, в отделе письменных источников (ОПИ).

⁶ Государственный исторический музей, ОПИ, ф. 450, № 48.

⁷ Статья эта была читана в Публичном заседании этнографического отдела имп. Общества естествознания, антропологии и этнографии в присутствии самой Ирины Андреевны Федосовой (примечание Е. В. Барсова, — О. А.).

сились к изданным сборникам в Европе и в нашем отечестве. Затем присоединяю свои замечания о тех особенностях и характерных чертах изданной Причяти, коп выделают Ирину Андреевну как исключительное дарование в ряду всех других вопленниц и причитальниц. Небезынтересны также сведения о хоре ее подголосниц.

Первым возбудителем для меня заняться именно этого рода народной поэзией — было внутреннее движение совершенно личного характера. В самом раннем детстве, лет 8—9-ти, в селе Андосе (Череповецкого уезда), где я рос и воспитывался, я любил присоединяться к сборищам на могилах, где каждый праздник, после обедни, происходили народные плачи о своих близких и родных. Мало понимая, что совершается вокруг меня, под воздействием общего горя плакал и я вместе с плакавшими. Иногда старшие насильно уводили меня с погоста и с горем приводили домой.

В школах, где я учился, не было упоминания о народной поэзии. В духовных академиях русская литература под воздействием эстетики Гегеля тогда признавалась только с Ломоносова. Вся древнерусская письменность, равно как и творческое народное слово, считались тогда недостойными академической кафедры.

По окончании академического курса поступив на службу в Олонецкую семинарию, я располагал очень много свободным временем: всего обязательных служебных часов было только 6 в неделю. При отсутствии всяких общественных развлечений в таком губернском городе, как Петрозаводск, мысль моя естественно стремилась остановиться на каком-нибудь ученом личном интересе.

Совершенно случайно я встретил в «Описании Олонецкой губернии» В. А. Дашкова несколько небольших заплачек, которые мгновенно воскресили во мне детские впечатления, пережитые мною на плакавших могилах, и породили желание собрать это поэтическое богатство Севера.

Совершенно также случайно от крестьянина Фролова, у которого стоял па квартире, узнал я о существовании Ирины Андреевны, которая как вопленница пользовалась славой во всем Заонежье, которую слушать собирались целые деревни, которая жила в Кузаранде, но приглашалась в отдаленные места на свадьбы и похороны. По наведенным справкам оказалось, что она вышла замуж за крестьянина Якова Федосова и живет в самом Петрозаводске, где муж ее как плотник содержит мастерскую.

Отыскав ее, я стал расспрашивать о причётах, но она встретила меня недружелюбно: «Чего вам, — говорит, — от меня надо? Знать я ничего не знаю и ведать не ведаю, какие такие причёты, да и с господами я никогда не зналась; всяк сверчок знай шесток, и сказывать ничего и не умею!» Но благодаря тому же хозяину, который уверил ее, что я человек неопасный, она вдруг сделала со мною откровеннее и заявила, что «супротив ее песеннице не быть, — будет отвечать господу богу, — что па свадьбах ли запоет — старики запляшут, па похоронах ли завоют — каменный заплачет. Голос был такой вольный, нежный».

В великом посту 1867 года я начал записывать от нее духовные стихи и былины, диктовать что-либо другое в это время она сама считала грехом. Но я начал с богатырской эпохи еще и потому, что к этому прежде всего настроен был известным собирателем былин П. Н. Рыбниковым.

Сосланный в Петрозаводск, Рыбников в это время был секретарем Олонецкого губернского статистического комитета и пользовался большим уважением как знаток народной поэзии. Обратившись к нему за советом по поводу излюбленной мною задачи, он сказал, что бытовая поэзия не так важна, как богатырский эпос, и что я поступил бы гораздо полезнее, если бы направил свои интересы к продолжению сделанного им в этой области. Но, как впоследствии оказалось, он дал такой совет ввиду особых личных к тому побуждений.

Нужно еще заметить, что в то время в Петрозаводске губернатором был Ю. К. Арсеньев, сын известного географа и воспитателя покойного государя Александра II. Как человек просвещенный, он охотно открыл страницы как «Памятных книжек», так и «Олонецких ведомостей» для моих этнографических работ.⁸

⁸ Основные публикации Е. В. Барсова за эти годы в «Олонецких губернских ведомостях»: «Черты из психологии обонежского народа. I. Язык. II. Пословицы. III. Заговоры. IV. Загадки» (1867, № 1), «Каргопольские свадебные причитания» (1867, №№ 3, 4), «Пудожские свадебные причитания» (1867, №№ 6, 7), «Из обычаев обонежского народа. Увеселения на масленнице» (1867, № 8), «Запlachки обонежского народа при отправке сына в рекруты» (1867, № 10), «Из обычаев обонежского народа» (1867, №№ 11—16), «Свадебные причитания Каргопольского уезда Архангельского прихода» (1867, №№ 25, 26), «Запlachка о братьях-семинаристах, утонувших в Опеге-озере» (1867, № 30), «Петрозаводские свадебные песни (причитания)» (1868, №№ 1—4), «Олонецкие бытовые песни» (1868, №№ 24—27), «Этнографические материалы. Запlachка на могиле отца. Наговоры» (1868, № 45), «Из беседы со сказителем III-г-л. И. Песьяницы-слещи. II. О даянх и податях» (1868, № 51), «Народный рассказ о поезде Петра I в Соловки» (1872, № 8), «Причитания Северного края» (1872, № 86); в «Памятной книжке

Все записанное мною в великом посту было издаваемо в «Олонецких ведомостях». Так были записаны от Ирины Андреевны и тотчас же напечатаны былины о Чуриле Пленковиче и жене Берьмаса, о девяти братьях-разбойниках и обещенной ими сестре, а также былина из разряда сказаний о злых матерях, губительницах зазнобушки сыновей своих под заглавием «Софья».⁹ Все эти старины были разобраны и оценены О. Ф. Миллером в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1868 год.¹⁰

Для П. Н. Рыбникова издание мною былин имело в то время особенное значение. Ему были известны подозрения, распространявшиеся в Петербурге из среды людей, обладавших высоким почтенным авторитетом, в подлинности сделанных им открытий в области богатырского эпоса. Намеки на то, что былины сочинены им самим, стали проскальзывать и в печати со ссылкой на авторитетность подобных подозрений.¹¹ Если подозрения не подкреплялись доказательствами, то, с другой стороны, и сам П. Н. Рыбников, сидя в Петрозаводске, чувствовал себя беспомощным и беззащитным.

Изданные мною былины послужили ему данными для отражения петроградских ученых подозрений.

В IV томе «Песен» П. Н. Рыбникова, вышедшем в свет в том же 1867 году, напечатано его письмо, в коем он указывает на меня как продолжателя своего дела, после чего всякое сомнение в подлинности былевого народного творчества становится уже невозможным и должно исчезнуть.

После Пасхи я обратился к излюбленному своему предмету — к записыванию от Ирины Андреевны народных плачей. Сначала она ходила ко мне на квартиру, но это оказалось для ней неудобным, так как она должна была в течение дня пользоваться своих рабочих. Поэтому я стал ходить сам на ее квартиру, что продолжалось ежедневно более года. Запись происходила при весьма неблагоприятных обстоятельствах: мы сидели с нею в маленькой каморочке, рядом с мастерской, она диктовала при шуме и стуке рабочих и то и дело развлекалась хозяйственными хлопотами.

В то время она была бойкая, подвижная, веселая, в полном развитии телесных и нравственных сил, душа ее быстро могла повышаться под воспоминанием пережитых явлений народной жизни и непосредственно создавая соответствующие художественные образы. Но было и еще одно обстоятельство, которое действовало на нее угнетающим образом: покойный муж ее хоть и редко, но подвержен был «запойной слабости». В этих случаях Ирина Андреевна была сама не своя, вздыхала, горевала, унывала.

Во все те минуты, в кои замечал я подобное угнетение, я тотчас же прекращал записывание плачей и начинал разговор о чем-нибудь стороннем.

В рассказах речь ее всегда была также живописна и образна, часто перемешивалась или обычными присловьями, или ей самой принадлежащими художественными оборотами. Я спешил записывать и эти эпические выражения. Их немало напечатано мною в 1 и 2 томах «Причитаний Северного края». Для образца приведу здесь еще несколько неизданных подобных оборотов: «Дерево не обрастет, и человек не разбогатеет»; «На друга калач куши, а не люб, так сам съешь»; «Бытому псу лишь кнут покажи, — хвост поджал, на погост подрал»; «Леса ушасты, а поле глазасто»; «Чего душа бежит, то навстречу бежит»; «Голодному Федоту и репа в охоту»; «Без слова Ивац, а со словом — болван»; «Живет на кучке, а чвакает по-горничному».

Иногда же в подобных случаях я обращался к ней и говорил: «Ну, Ирпнушка, и ты утомилась, и моя рука устала, отдохнем, перестанем писать. Вот расскажи-ка мне лучше какие-нибудь хитрые загадки, и она тотчас же начинала диктовать. Вот, например, несколько таких еще неизданных загадок:

1. Стоит стол, золотой вершок, около пичуги серебряные? (Церковь).

за 1868—1869 годы: «Рассказ о том, как писец Папин давал имена заонежским деревьям в 1628 г.» (стр. 189—193), «Исторический очерк Вазезерской пустыни» (стр. 69—80), «Преподобные обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края» (стр. 3—68).

⁹ Перечисленные тексты опубликованы в работе: Е-ор Барсов. Из обычаев обонежского народа. «Олонецкие губернские ведомости», 1867, №№ 11—16.

¹⁰ О. Ф. Миллер считал записи Е. В. Барсова составляющими «главное, что появилось по части народной словесности в 1867 году», а самого Е. В. Барсова рекомендует как продолжателя «прекрасного дела», начатого П. Н. Рыбниковым («Журнал Министерства народного просвещения», 1868, № 3, стр. 909—927).

¹¹ В печати впервые сомнение в подлинности рыбниковских записей высказал И. И. Срезневский. Упрекая П. Н. Рыбникова в том, что тот не дал никаких пояснений к изданию текстов своего первого сборника, И. И. Срезневский писал: «Он (сборник, — О. А.) мог произвести на некоторые умы впечатление тяжелое... ведущее за собою нерешимость простодушно доверять, что собранные песни суть действительные произведения народные, а не подражания им» («Известия имп. Академии наук», 1862, т. X, вып. III, стр. 248).

2. На море дощечка колыблется, с берега деверья дивуются. Стать колотить — рукава мочить? (Полосканье белья).
3. Летят три птицы, одна птица говорит: «Мне зимой хорошо», другая птица говорит: «Мне летом хорошо», третья говорит: «Мне все равно»? (Телега, сани и дровни).
4. Мать толста, отец горбат, дочь красна, сын кудреват, под небеса стават? (Печка, крюк, огонь, чад).
5. Полосы хрустальные, а межи деревянные? (Оконницы).
6. Дарья да Марья, видясь, не обоймутся? (Потолок да пол).
7. Стоит кабак, на 4-х ногах, в красных сапогах? (Стол, уставленный винами).
8. Берега крутые, вода дорогая, рыбка без перьев хлобыщется? (Сковорода, масло и пряженный пирог).
9. Летит птица орел, несет в зубах огонь; по конец хвоста — человечья смерть? (Оружье).
10. Щука-белуга хвостом махнула, леса спали, а горы стали? (Коса, скошенная трава и копы).

Когда я замечал, что она успокоилась, окончив свои хозяйственные хлопоты, или же после нравственного угнетения приходила в равновесие духа и становилась более или менее веселой, я вновь приглашал ее продолжить причеть. «Ну-ко, прочитай, что написано», — замечала она. Когда я прочитывал то, на чем остановилась, она опять, видимо, входила в роль вопленицы, творческая мысль ее подымалась и слово становилось более выразительным.

Так происходила запись изданных мною плачей Ирины Андреевны, погребальных, завоенных и свадебных. Как я уже сказал, более года продолжалась эта работа, почти ежедневно, за исключением больших праздников.

Как ни доверчиво относилась ко мне Ирина Андреевна, но она, конечно, не могла понимать, зачем это делается, и потому подчас выражала опасение, не вышло бы какого худа из подобных занятий. Вдруг иногда среди работы она жалобно начинала говорить мне: «Не сошли ты меня Христа ради в чужую дальнюю сторонушку, не запри ты меня в тюрьму заключенную, не лиши ты меня родимой сторонюшки!» Но каждый раз мне удавалось ее успокоить и восстановить к себе доверие.

Не более, чем Ирина Андреевна, понимала значение нашей работы и вся петрозаводская окружающая среда: насмешливые улыбки, ребяческие передразнивания или же надутое презрение к подобным занятиям, недостойным порядочного человека, — вот обычные явления, окружавшие нашу усиленную и напряженную работу.

Но что всего замечательнее — и в Петербурге на первый раз совершенно неожиданно окатили мою энергию холодной ключевой водой. Сюда прибыл я нарочно в 1868 году, чтобы поделиться с ученым миром впечатлениями открытого мною сокровища бытовой народной поэзии. Прежде других я представился к знаменитому исследователю древнерусского письма и языка И. И. Срезневскому. Когда я сообщил ему о богатстве записанных мною народных плачей, он вдруг неожиданно замечает: «Не увлекайтесь, молодой человек, вы слишком много придасте значения вашим записям; не угодно ли: моя прислуга насканет вам разных разностей, и вы, пожалуй, записывайте, но не думайте, что это будет иметь важное значение в науке. Вот у нас даже в университете есть такой же увлекающийся человек, который написал целую библию об Илье Муромце.¹² Нет ничего опаснее, как спешить с преждевременными выводами». Предостерегая против увлечения, Исмаил Иванович был вместе с тем настолько любезен, что ввел меня в круг своей семьи и пригласил меня на ближайший вечер.

Слова его о собранной мною причети, однако, подействовали на меня самым угнетающим образом и тем сильнее, чем больше носил я в душе своей благоговения к его ученому авторитету. Если бы, кажется, в эти минуты случились под рукою мои записи, то я, ничтоже сумняся, не пожалел бы бросить их в камин и сжечь как материал, малопольный для науки.

Но затем явился я к восторженному человеку, глубоко понимавшему и любившему народное песнетворчество, к Оресту Федоровичу Миллеру. Он раскрыл мне впервые, что в настоящее время Исмаил Иванович занимается юсовыми памятниками и что юс малый и юс большой так увлекли его самого, что он стал равнодушным к живому творческому народному слову, и я не мог встретить с его стороны иного отношения к своей работе, какое встретил.

Когда я прочитал наизусть Оресту Федоровичу несколько отрывков из плачей, он пришел от них в неопишуемый восторг и заявил, что это будет драгоценнейший вклад в науку. «Верьте мне, что это будет так, и сам Исмаил Иванович убедится в этом».

На вечере у Исмаила Ивановича я познакомился с Владимиром Ивановичем Ламанским, который также выразил горячее сочувствие моей работе. Окрыленный этим сочувствием, я вернулся в Петрозаводск и записал от Ирины Андреевны еще

¹² И. И. Срезневский, по всей вероятности, имел в виду уже известного к тому времени О. Ф. Миллера и его работу «Илья Муромец и богатырство Киевское», изданную в следующем, 1869 году.

несколько плачей. В 1870 году я был вызван на службу в г. Москву, и здесь начались уже новые хлопоты, именно об издании собранных причитаний.

Слух об имеющихся у меня материалах народного песнетворчества скоро дошел до славянофильского кружка. В доме Александра Ивановича Кошелева назначен был особый вечер, на который я был приглашен, чтобы ознакомить собрание с причетью Ирины Андреевны. В этом домашнем собрании, со множеством гостей, я прочитал два погребальных плача: «Плач вдовы по муже» и «Плач дочери по матери». Чтение мое произвело сильное впечатление и тут же решено было: 1) в первом же обыкновенном заседании Общества любителей российской словесности избрать меня в свои действительные члены; 2) в ближайшем публичном заседании прочесть «Плач вдовы по муже» с краткою биографиею Ирины Федосовой и 3) обсудить вопрос об издании погребальных плачей. Насколько я понимаю, особенно заинтересовался личностью вопленицы Ю. О. Самарин.

Публичное заседание, в котором читал я указанный плач, было весьма торжественно и по количеству собравшихся членов и по множеству избранной публики. Чтение было принято восторженно и вызвало продолжительные и единодушные рукошлескания.

Что касается самого издания, то председатель общества А. И. Кошелев, пожертвовавший обществу 3000 рублей, изъявил согласие выдать мне из этой суммы 500 руб. для напечатания первого тома заимообразно, с тем, чтобы на деньги, вырученные от продажи, приступить к печатанию следующего тома.

Для обсуждения же вопроса о самом характере издания составлена была особая комиссия из действительных членов Н. А. Чаева, И. Д. Беляева и П. А. Бессонова, которая и выработала инструкцию для издания.

Так как инструкция эта напечатана не была, то я считаю своевременным ознакомить с нею ваше внимание.

«В Общество любителей российской словесности»

Комиссия, избранная Обществом для предварительного рассмотрения собранных д. ч. Е. В. Барсовым и предназначаемых к изданию „Олонецких причитаний“, по рассмотрении их находит, что:

1) Собранные г. Барсовым народные памятники, в высшей степени замечательные и до сих пор неизвестные еще печати нашей в таком обилии, совершенно заслуживают издания при содействии Общества, издержки же на это должны простираться до 500 руб. сереб.

При этом так как означенные памятники представляют собою один материал, еще не приготовленный как следует к изучению, то Комиссия находит уместным выразить некоторые желания о тех приемах, способах и вообще подготовке или обетановке текста, которые, по ее мнению, должны бы сопровождать издание, одобренное Обществом, ввиду уже прежних многих образцов сего рода и требований современной науки. А именно желательно:

2) Чтобы напечатаны были при этом объяснения самой певички, сколько их помнит г. Барсов, в собственных выражениях ее языка об ее профессии, применении причитаний, употреблении и распространении между народом, об ее предшественниках или современниках — товарищах по занятию и т. п., вроде как сообщал о том г. Барсов на публичном чтении Общества.

3) На основании ее же показаний или собственных сведений собирателя чтобы изложено было несколько более, чем теперь есть у него, подробностей самого обряда, весьма разнородного, сопровождаемого причитаньями, вообще все, что известно г. Барсову или может быть еще дополнено в существенных чертах из других русских источников о сем деле.

4) Чтобы сличить „Плачи обрядные“ с теми „Эпическими“, кои относятся к разным нашим историческим лицам и уже отпечатаны частью в изданиях Общества.

5) Текст дополнить по возможности главнейшими вариантами из прежде данных русских памятников в том же роде, в особенности из сборника Рыбникова, описания Дашкова (1832 г.), Терещенки, Пермского сборника, Записок о Сибири (в «Библиотеке» для чтения), „Сельской свадьбы Архангельской губернии“, „Москвитянина“, 1853 г., XIII, 38, в статье Жаравова и всего старше „Веселой Эрато“ 1800 года.

6) Прибавить для лучшего сравнения в столь важном отделе, который на Руси является впервые в такой полноте и должен обратить внимание славян, особенно южных, соответственные у сих последних хотя в нескольких образцах так называемые „паричаня“, с переводом по-русски, равно как указать на существующие такие же памятники у новых греков и албанцев, в чем г. Собирателю изъявляет желание содействовать г. Бессонов.

7) Так как в тексте, вероятно, при переписке вкрались, по-видимому, недосмотры, например) *безуленные* вм. *безъуленные*, *привородчиков* вм. *приворотщи-*

ков, кратчи (короче) вм. крадчи (крадучись), слали вм. стали, злотой вм. золотой, вокеяне вм. в океяне и т. п., и так как теперь же оказываются в тексте некоторые поправки, напр<имер> „из окошечка в окошечко“ вм. „из окошка в окошко“, прибавленные, кажется, для стиха, то Комиссия видит необходимым г. Собрателю еще раз точнее проверить белой текст с черновыми записками и предполагает, что при исполнении сего во многих случаях изменится стих, обычно теперь растянутый на 13 слогов, устранятся иногда однообразные утомительные окончания уменьшительных слов, в роде употребляемых Сахаровым, напр<имер> *головушку, ветрушки, людушки, смерѣтушка, ествушек, рыболовушках, Онегушка, желаньице* и т. п., равно как выпадут из иных мест удлиняющие стих вставки *ведь, вот, знать* и т. п., чаще встречаемые не у народа, а в подправках издателей для стиха. Также необходимо во многих словах выставить ударения.

8) Желателен в конце особый словарь областных олонецких речений с грамматическими формами и указатель главнейших имен, терминов, типических выражений при обряде, вообще отличительных признаков творчества сего рода. Слова, требующие объяснения, большею частью подчеркнуты, и те, при коих следует указать просто перевод, и при коих прибавить обстоятельное объяснение происхождения смысла.

9) Неплшне, кажется, будет издателю для соответствия с прочими, теперь уже довольно значительными изданиями самого Общества или ему посвященными трудами наблюсти подобие в самом наружном виде новой книги, в формате и шрифте, сколько это возможно, напр<имер>, особенно чтобы шрифт текста был не французский и плотный, а четкий, круглый).

Приступив к изданию, я решился, однако, вести дело без всякого постороннего вмешательства и затем, приняв в руководство большую часть правил этой комиссии, и никак не мог согласиться ни на уменьшение слогов в стихах, ни на превращение уменьшительных форм в положительные в именах существительных, так как это весьма существенные и характерные особенности поэтического языка Ирины Федосовой. Текст песен напечатан мною так, как он был записан.

Я предполагал дать заглавие сборнику «Олонецкая причеть» и посоветовался о том с А. Н. Пышным, бывшим в то время в Москве для занятий, кажется, масонскими рукописями. Он окрестил мой сборник «Причитаниями Северного края».

Составив свои замечания об языке причитаний и не считая себя филологом, я сообщил их Ф. И. Буслаеву, который вполне их одобрил и исполнил некоторыми существенными указаниями. Так совершилось издание первого тома, содержащего в себе погребальные плачи. Но это издание стоило мне впоследствии больших неприятностей.

Часть экземпляров поступила в Общество, часть была разослана мною в дар разным ученым, словом, книги у меня незаметно разошлись, а денег получено за них было очень мало. Между тем А. И. Кошелев, уже не будучи председателем Общества, стал требовать их возвращения, писал письма и посылал ко мне секретаря — в то время Н. П. Аксакова — с объявлением, чтобы деньги непременно были возвращены.

Мне удалось вернуть их уже в председательство Ник<олая> Саввича Тихонова, который в письме ко мне указал на критические обстоятельства Общества, хоть мои собственные обстоятельства были тогда еще критичнее.

Гораздо благоприятнее сложилось издание 2-го тома «Причитаний». Бывший городской голова Ярославля И. А. Вахромеев, истинно русский человек, с душою отзывчивою на всякое благое дело, горячо сочувствующий народному песнетворчеству, не только охотно принял на себя все издержки по изданию, но любезно обратил все экземпляры в мою собственность. И я пользуюсь случаем, чтобы здесь публично «вознести ему русское спасибо с благодарностью».

3-й том, в состав коего входят «Причитания свадебные», издан в «Чтениях импер. Общества истории и древностей российских»;¹³ но так как он еще научно не обработан, то и не выпущен в свет в отдельных отисках.

Достоин особого внимания, что г. Агрепева-Славянская записала тоже свадебные песни, и от той же Ирины Андреевны, и издала их в двух выпусках.¹⁴ Издание это доказывает, как опасно братья не за свое дело. Для строго научной записи народного песнетворчества безусловно требуется напряженное внимание, большое знакомство с лексиком народного языка, с звуковыми и формальными его особенностями.

¹³ Плачи свадебные, заручные, гостибные, баенные и предвечные. См.: «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1885, кн. 3—4.

¹⁴ См.: О. Х. Агрепева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы с текстом и песнями: обрядовыми, голосными, причитальными и завывальными, в 3-х частях. Записаны от Ирины Андреевны Федосовой, крестьянки Олонецкой губ., и от нищей Ульяны из Петрозаводска. Москва—Тверь, 1887—1889.

Отсутствие этих условий повело к таким грубым ошибкам, которые делают издание г-жи Славянской лишенным всякого научного значения. Так, у ней встречаем *вм. чистого полюшка — частое полюшко* (II, 94); *вм. у столба у гоченаго — у столба печенаго* (I, 8); *вм. жарочки (печки) муравленые — зарадки муравейные* (16, II); *вм. под гученькой громовитой — под рученькой громовитой* (16, 12); *вм. замочка шелкотурного — т. е. шелкающего — замочик щекотурный* (отпшутатуренный) (II, стр. 54, 90); *вм. сладко уеданьцё, т. е. лакомое угощение — сладко уяданьце* (16, 86). Вместо *скуп взяла меду сладкого, т. е. покушную, договорную цену* — напечатано: *с куб взяла* (16); *вм. по гульбищам-прокладбищам* напечатано: *по кладбищам*; вместо *когда стоснется, т. е. стоскуется, по родимой своей родинке* напечатано: *когда стошнитса* (98). *Вм. спасет бог — спасен бог* (11, 47); *вм. падет печаль — падет печень на ретивое сердечушко* (16, 12); *вм. преж сего — превсеого*; *вм. холостьба* (холостые ребята) — напечатано: *холодьба* (16, 29). *Вм. изутра буде с поранного-то утрышка* записано и напечатано: *с парадного-то утрышка* (16, 34); *вм. на болоти ходя моются* напечатано: *маются*; *вм. приложу волю ко белому ко личушку* записано и напечатано: *ко белому колечушку*. Слово *дочи, т. е. дочь*, превращено в два союза *да* и *чи* (53). Выражение *мне как будет... превращено в неки будет...*

В языке Ирины Андреевны *б* часто заменяет *м*, как скоро стоит оно перед *л*: *младый* (молодой) она выговаривает: *бладый*. Очень часто затрудняло это слово г-жу Славянскую. Она сначала записывала *вм. блад отецкой сын — благ отецкой сын*, т. е. добрый (ч. I, стр. 10, 13) или же *брад отецкой сын*, т. е. бородатый (ч. I, 40); наконец, должна была допустить непонятное слово *блад*, но сделала еще более курьезное к нему замечание: «Блад — это значит-де шалуц, что-де у нас называется Дон-Жуан».

В записях множество мест, лишенных всякого здравого смысла, так что если бы «Причеть» Ирины Андреевны впервые явилась под пером г-жи Славянской, то она была бы искажена до неузнаваемости и не обратила бы на себя ни малейшего внимания людей науки.

Теперь же ясно, что изданием своих записей она доказала лишь необдуманную отвагу и полнейшее незнакомство ни с звуковыми, ни с формальными особенностями народного творческого языка и взялась не за свое дело.

Затем, согласно сделанному заявлению, следует сказать о том, как относились у нас и за границей к изданным мною «Причитаниям Северного края».

Как только я послал первый том Измаилу Ивановичу Срезневскому, который, как выше сказано, так недоверчиво и недружелюбно встретил их с первого раза, теперь ответил мне письмом, в коем признает их драгоценным вкладом в науку и дружески приветствует меня с появлением в свет такого капитального труда.

Алексей Александрович Котляревский присылает мне свою книгу «О погребальных обычаях языческих славян» с надписью: «Знаменитому причитальнику» и при этом письмо, в коем замечает, что погребальная причеть Федосовой — явление изумительное, выходящее из ряда подобных народных произведений, что она подтверждает все, до чего доходил он долгим путем утомительных разысканий, и разрешает многое такое, что оставалось еще под знаком вопроса.

Академия наук почтила этот том со своей стороны присуждением Уваровской премии. Но что касается журналов и газет, то о нем больше говорили за границей, чем у нас.¹⁵

К. П. Победоносцев, следивший тогда за иностранной литературой, приветствуя меня с этим изданием, указал на те европейские журналы, в коих появились отзывы о «Причитаниях Северного края». Особенно сочувственные статьи в английских научных органах «*Athenaeum*» и «*Akademy*». Так как статьи эти остаются в России неизвестными, то я позволю себе ознакомить вас с одною из них, именно со статьею г. Рольстона, напечатанною в «*Akademy*» под заглавием «Русская погребальная литература».¹⁶

¹⁵ Не совсем верное замечание Е. В. Барсова. Издание первого тома «Причитаний Северного края» было положительно оценено прогрессивными критиками. Н. К. Михайловский, например, в обзоре «Литературные и журнальные заметки» («Отечественные записки», 1872, № 11, ноябрь, стр. 149—154) отмечает «гражданские мотивы» некоторых плачей, почти полностью приводя плач о старосте и плач о писаре. «Труд г. Барсова, — заключает Н. К. Михайловский, — заслуживает всякого внимания и благодарности» (стр. 154). Л. Н. Майков в рецензии на «Причитания» также дает высокую оценку этого собрания («Журнал Министерства народного просвещения», 1872, ч. CLXIV, стр. 388—399). Отзывы на «Причитания» были помещены во многих журналах разных направлений. Краткий обзор этих отзывов см. в кн.: К. В. Чистов. Народная поэтика И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, стр. 84—87.

¹⁶ W. R. S. Ralston. Russian funeral literature, Laments of Northern District, collected by E. V. Barsov, vol. I. Moscow — The Academy, 1878, December, v. III, № 61, pp. 443—444.

«На северо-востоке России, — говорил он, — в особенности на побережьях Онежского озера, собиратели народных былин и песен имели в последнее время большой успех. Оттуда именно и в таком богатстве почерпнуты были те эпические сказания, которыми увенчались терпеливые разыскания Рыбникова и Киреевского. По несчастю, с именем третьего грузженика на этом поле связывается печальное воспоминание. А Гильфердинг, председатель Этнографического отделения Географического общества, намеревался издать массу подобных сказаний, собранных им в этом уголке России. Несколько месяцев тому назад он вновь отправился туда для своих изысканий, но вот в отдаленном Каргополье свалила его „огневица“, и он сокрыт там в преждременной могиле.

Из поэм, живущих в среде малограмотного крестьянства этого края, без сомнения, представляют самый живой интерес мидиологи, или те народные плачи, которые рождаются при гробах и могилах, на поминках и похоронах. Образчики подобных плачей были уже отчасти представлены Рыбниковым в его больших сборниках и встречаются там под именем заплачек. Много здесь драматических данных, дышащих оригинальною силою и пафосом. Но никакого не может быть и сравнения между прежними образцами и теми высокими поэмами, которыми мы обязаны г. Барсову.

Труд его впервые всецело посвящен был этой отрасли русского народного песнетворчества, значение которого в науке он доказал вполне основательно. Требуется значительное время, чтобы дать надлежащее понятие о достоинстве поэм, которые наполняют первый том труда г. Барсова. Но теперь воспользуемся по крайней мере теми замечаниями, которые делает он в своем прекрасном вступлении и чрезвычайно любопытном описании погребательных обрядов Северного края.

Упомянув о воплениях и их значении в народной жизни, г. Барсов говорит, что первое упоминание о существовании их в России встречается в летописи Нестора и что плачи еще со времени Ольги составляли необходимую принадлежность тризны или погребального шира. Когда умер Олег, тогда „весь народ плакал по нем плачем великим“. Прекрасный плач Ярославны уцелел в знаменитой поэме „Слове о полку Игореве“; образцы подобных плачей сохранились далее в житиях древнерусских святых; образцы отражают в себе многие черты тех надгробных плачей, в которых до днесь изъясляют свои чувства жители Обонежского края над гробами и могилами своих покойников.

Церковь со своей стороны старалась остановить обычай погребальных причитаний, обращая внимание на те языческие чувства, коими они дышали, клейми их именем „сатанинских“ песен, осуждая их в проповедях и торжественно голосом Собора 1551 года. Но ни влияние церкви, ни могущество Петра Великого не могли поколебать волю народную. Над телами друзей и родными, над их гробами и могилами крестьяне доныне по всей России продолжают выражать свою печаль по-прежнему. Впрочем в последнее время причеть значительно утратила свои прежние достоинства, и для того, чтобы услышать ее в совершенстве, нужно посетить тот отдаленный край, где г. Барсов собрал материал для своего труда.

Много можно узнать из этих старинных поэм о воззрениях древних славян на посмертную судьбу и загробное существование. Смерть (mors) рисуется здесь как заклятый враг человечества, который является в разных видах; напрасно человек усиливается бороться с нею и отнять из ее когтей любезную жертву. То как ворон или сокол, то как прекрасная девица или согбенный нищий крадется она в суженый дом и тайно, незаметно прерывает пить жизни. Напрасны тут моления и обещания; она неутомима, она поражает свою жертву решительным ударом и иногда как бы наслаждается ею. Акт умирания во всех этих поэмах сравнивается с захождением солнца, с падением звезды, с таянием снега и т. п. В смертный час считают священным долгом друзья и родные присутствовать при умирающем и глядеть, „как выходит душа из белого тела и как очи ясные прощаются с белым светом“. Скорь бывает сильнее, если не удалось им быть в эту минуту близ смертного одра. Душа, выходящая из тела, по описанию плачей, то уносится ветром, то улетает, как птица или бабочка, то принимается одним из ангелов-архангелов. Точно так же различны воззрения относительно посмертного существования душ. С одной стороны, выражается верование, что души предков обитают внутри могил, поэтому плотники, работающие гроб, умоляются, чтобы они сделали это домовище отрадным для обитания. С другой стороны, представляется, что они витают в облаках и носятся вместе с ними (птицами и бабочками (?), — О. А.).

Но где бы ни жили души умерших, они всегда приглашаются в гости живыми людьми. Г. Барсов приводит даже пример, как ищут покойников на дворе, на сенах, в избах, и думает видеть здесь следы семейного культа.

Идея домашнего духа так близка к идее домовладельца, что если вы скажете: „Я видел хозяина“, то заопежанин поймет, что вы видали домового.

Интересная картина страдной жизни северного крестьянства рисуется в этих поэмах. В них, как в зеркале, можно видеть однообразный лапшафт, мрачный лес, печальную тундру, жалкую растительность и т. д. Они рисуют перед нами и этот простой люд, который должен вести постоянную борьбу с природой, его живописную одежду, его склад жизни, его нравы. Особенно любопытны те места, которые относятся к семейному родству и его патриархальному быту, доныне мало

изменившемуся. Всякая степень родства требует особенного плача, поэтому мы встречаем особые формы плачей не только для родителей и детей, братьев и сестер, но также для дядей, тетей, племянников, сватовей и т. п.

Очень интересны также поэмы, бросающие свет на отношения крестьян к их волостным властям и к высшим классам общества, мировым посредникам, судьям, докторам и т. п. Не менее любопытны также плачи разного рода, посвященные лицам утонувшим, или убитым громом, или совершившим самоубийство.

Мы должны также поспешно коснуться описания погребальных обрядов. Многие из них чрезвычайно замечательны. Таков, например, обычай вставлять в гроб, класть туда волосы, ногти, хлеб и т. п.; обычай употреблять против лихорадки мыло, которым обмывали покойника, обычай петь обручальные песни при гробах молодых девушек и мн. др.

Описание г. Барсовым погребального пира или поминок драгоценно, тем более что он делает сравнение между обычаями олонецких славян и подобными же поминками мордвы.

Чрезвычайно забавным описанием воплениц или плакальщиц, от которых записана большая часть драгоценного материала, вместе с Севернорусским словарем и общими замечаниями о языке причитаний заканчивается первый том труда г. Барсова. За исполнение его г. Барсов вполне достоин благодарности от всех, занимающихся изучением народной жизни.

В. Р. С. Рольстон».

Академик Александр Николаевич Веселовский напечатал свой отзыв в одном немецком журнале, в коем придает строго научную ценность погребальным причитаниям и в ряду других вопросов отмечает значение «судьбы», как выражена она в этих плачах.¹⁷

Что касается 2-го тома, то он, по-видимому, не проник за границу, по крайней мере нам не известно ни одной статьи в европейских журналах, относящейся к плачам военным. Но зато в русской литературе том этот был принят с редким сочувствием и единодушием, все серьезные органы повременной печати почтили его своими лестными отзывами без различия направлений.¹⁸ Из газет особенно остановились на нем «Петербургские новости».¹⁹ Даже некоторые провинциальные газеты обратили на него свое внимание и сказали со своей стороны доброе слово. Императорская Академия наук, как и первый том, удостоила Уваровской награды, а императорское Русское археологическое общество — большой золотой медали.

Само собой разумеется, что научная ценность изданных мною сборников обусловлена внутренним содержанием и значением причети Ирины Андреевны Федосовой, и поэтому считаю долгом остановить Ваше внимание на тех характерных чертах этой причети, кои выделяют ее из ряда подобных произведений и заставляют удивляться творческой силе, ее создавшей.²⁰

Из подголосного хора, который всегда участвовал в причети, выделяются даровитые личности, обладающие твердой памятью и творческим воображением. Из среды их и появляется вопленица, умевшая усвоить эпическое мирозерцание и художественные приемы причети. Она становится запевалом, руководительницей хора и вместе главной распорядительницей того или другого общественного ритуала. Достоинство вопленицы, в зависимости от ее дарований, состоит:

¹⁷ A. N. Wesselofsky. Die neuen Forschungen auf dem Gebiet der russischen Volkspoesie. 1. Die russischen Totenklagen (Новые разыскания в области русской народной поэзии. 1. Русские погребальные плачи). «Russische Revue», 1873, Bd. III, S. 487—526.

¹⁸ Краткую библиографию отзывов см. в кн.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова, стр. 115.

¹⁹ В «Новостях и Биржевой газете» (СПб., 1882, № 45) напечатана рецензия Н. Белова, перепечатанная затем в «Олонецких губернских ведомостях» (1883, №№ 24—25).

²⁰ Далее следует текст, зачеркнутый в рукописи: «У греков, как известно, певцы — начинатели плача стояли около гроба и песни плачевные пели, а жены им вторили стоном. Почти так же происходит и у нас, лишь с заменю певцов причитающими женщинами. Лишь только вопленица заводит стих, тотчас же на третьем или четвертом слоге ее подхватывает хор и поет вместе с нею. Вопленица является, таким образом, руководительницей, наставницей хора, и хор так осваивается с ее причетью, с ее формами и оборотами, что является как бы учеником своей руководительницы.

Понятно, что среди этого хора выделяются особые личные дарования, кои быстро схватывают вместе с моментами мирозерцания и все художественные приемы руководящей вопленицы. Эти-то лучшие дарования и заступают потом место од(на) друг(ой) и таким образом являются носителями и хранителями священной причети, переходящей от поколения к поколению».

- 1) в умении усвоить как можно больше старых словес, старых образов, выражений и оборотов,
- 2) в умении понять окружающую обстановку и область действительной жизни,
- 3) в умении овладеть хором и слушателями, а послушать вопленицу собирались иногда целые деревни,
- 4) и, наконец, в построении стихов, более или менее правильных.

Известные вопленицы были «на славе», и слава эта состояла в зависимости от их личных дарований. Заступая во времени одна другую, эти даровитые женщины и являются, таким образом, посетителями и хранителями священной причеты, переходящей от поколения к поколению.

На похоронах вопленица — жрица смерти, а на свадьбах — жрица судьбы.

Моменты эпического мирозерцания, связанные с тем или другим ритуалом, в причеты всегда остаются неизменными. Смерть всегда представляется как злая сила, действующая в разных видах. С моментом умирания предносится сознанию образ солнечного заката или другие подобные явления.

С одеванием покойника всегда связано представление об отправлении его в путь-дорогу, в сторону дальнюю, неизвестную, с устройством гроба — строение его загробного домовища. Когда везут его на кладбище — с ним идет и горе. Когда опускают в могилу, всегда следует воззвание к ветрам, чтобы они оживили мертвеца.

То же сказывается и в свадебном ритуале, в коем к известным моментам также прикреплены известные эпические представления. При рукобитье — всегда оплакивается неволя, при омовении в бане — рисуется чистая и очищающая вода, в предвенчальную ночь всегда снится певесте злое вещий сон, невеста-спрота всегда вызывает из могилы ради благословения покойного отца.

Но если эти эпические представления, связанные с теми или другими моментами ритуала, остаются неизменными, то во внешней форме их выражения всегда сказывается личное творчество вопленицы, которая при каждом новом случае свободно и художественно изменяется.

Причеть не песня, застывшая в своей форме и повторяемая почти без перемен в разных деревнях. Причеть всегда обусловлена живой разнообразной обстановкой, новыми лицами и характерами, и потому неизбежно связана с личной творческой и живой записью. Вот почему даже при каждой новой записи одна и та же вопленица диктует, можно сказать, новую причеть.

С ранних лет, когда Ирине Федосовой не было еще и двадцати лет, выступала она в роли вопленицы и скоро стяжала себе громкую славу. Я записал от пей до 30 000 стихов, но она легко могла бы продиктовать и сто тысяч, так как творческая импровизация ее неистощима.

Много издапо причитаний разных плакальщиц, но все они большей частью отрывочны, а потому и справедливо называются заплатами. Причеть Ирины Федосовой охватывает все моменты ритуала и потому отличается необыкновенною полнотой и законченностью; эпические представления в ней выражаются в таких ярких очертаниях, как ни в одной из известных записок.

Другая отличительная черта ее причеты состоит в том, что она не ограничивается ритуальным содержанием, но захватывает пародную действительную жизнь в самых широких размерах и ярко рисует ее перед нами во всех отрадных и безотрадных ее проявлениях. На похоронах она была истолковательницей семейного горя; в своих плачах она входила в положение осиротевших, думала их думами и переживала их сердечные движения, но не только она выплакивала чужое горе. Она объявляла во всеуслышанье пужды осиротевших и указывала окружающим на нравственный долг поддержки; она поведала нравственные начала жизни открыто высказывала думы и чувства, вызываемые таким или другим положением семейной и общественной жизни. На свадьбах, где преобладал лишь ритуальный характер плачей, в живых очертаниях она давала понять и почувствовать волю-житье в доме родительском и вволю-житье на чужой стороне под гном злой судьбы среди скрозокозпой семьи. Но вместе с тем она внушала невесте совет, как должна она вести себя, жить и работать у богоданных родителей, чтобы жилось ей спосло и быть в чести у них.

Мало того, причеть Ирины Федосовой касалась иногда разных сторон других общественных классов — и характеризует их очень метко. При чрезвычайном нравственном подъеме творческая мысль ее возвышалась иногда до государственной идеи и указывала на глубочайшее значение ее в народной жизни.

Наконец, язык Ирины Федосовой и самое построение стихов таково, что резко выделяет ее из ряда всех других известных вытй или плакальщиц. Язык вытй ее, скажем ее словами, вольный, размашистый, оригинальность его поразительна.

На древность языка, кроме множества отдельных слов и выражений, указывают и многие звуковые, формальные и синтаксические особенности, отмеченные мною в «Замечаниях о языке», приложенных к каждому тому.

Такою же древностью объясняется и то, что в плачах почти все имена существительные, прилагательные, числительные и даже наречия являются в умень-

шительной форме, что указывает на непосредственное, живое, первобытное отношение к природе и на теплоту родственных и приятельных отношений в семье и обществе.

Вольность языка обусловлена свободным переносом ударений с одного слога на другой. Когда с словами соединяются уже понятия, ударение в них получает устойчивость, по когда слова — более образы, чем понятия, они в слогах своих легко поддаются гибкости, и ударение, переходя с одного слога на другой, не только не ослабляет образности выражения, но, напротив, еще более выделяет его в ряду других слов и тем больше оттеняет его значение. Язык первобытный есть язык певучий, и ударения в нем легко подчиняются закону музыкальности и поэтическому размеру стиха.

Размашистость языка Ирины Федосовой выражается в том, что она не только свободно пользуется богатым запасом готовых слов и выражений, но под влиянием известного образа для точного единобытного его очертания легко создает новые слова и выражения, или словам издержным придает новую форму. Много таких слов и выражений, отмеченных нами в «Замечаниях о языке» в первых двух томах «Причитаний», уже внесено в Академический словарь русского живого языка. В плачах свадебных их также немало.

Наконец, нельзя не заметить, что в причети Ирины Федосовой за известными подлежащими всегда следуют известные сказуемые, и наоборот: сказуемые всегда соединяются с известными подлежащими. Особенно часто имена нарицательные связываются с одними и теми же предикатами. Таковы, например, горы *высокие*, леса *дремучие*, звезды *подвосточные*, петелки *булатные*, дверь *дубовая*, порог *грановитый*, тяга *луговая*, крылечико *переное*, сени *решетчатые*, перекладыни *кленовые*, ошесточек *окладный*, светлая *светлица*, брусова *лавочка*, скатерть *однозубная* или *новобраная*, ествшка *сахарная*, питьца *медвяные*, пшена *белоярого*, народ да люди *добрые*, соседи *старедавни*, холостыба *неженатая*, советны подружки, *мелкопрятна* косынька, *семицветны* ленточки, пыляшка *точеныя*, иглочки *тамбурные*, лошадушки *ступистыя*, копи *борзые*, сбура *чесмяная*, облако *ходячее*, бура-папара, молвня *свистучая*, гром *трескучий*, корабли *черные*, зимушка *студеная*.

Упомянем обычные имена ласкательные по отношению к родителям: матушка *желанная*, *жалостливой* родной батюшко; по отношению к дочери: *ненаглядно мило дитятко*, *белая лебедушка*, *касата мила* ластушка, свеча *воску ярого*; по отношению к сыну и брату: *белый светушко*, *ясен сокол*, *тепло-красно солнышко*, породушка *именитая*, имя *со изотчиной*, *краснословнице отчимое* и т. п.

При Ирине Федосовой всегда состоял хор подголосниц. Девушки-подростки лет 10-ти уже начинали прислушиваться к ее плачам, и затем лет 15—16-ти поступали в хор и становились подголосницами. Быть в ее хоре — считалось в округе делом почетным и пеубыточным. Оплачивался не только труд вопленицы, но вознаграждался и труд подголосниц такими или иными подарками.

Хор Ирины Федосовой в совершенстве усвоил ее поэтический язык и построение стихов. Стоило ей произнести первые три слога, и хор уже знал все дальнейшие слова и пел их вместе с нею. Так, например, она запоет: «Укати» и хор продолжал вместе с нею: «укатилось красное солнышко».

Она: За гору...

Хор: За горушки оно да за высокия.

Она: За лесу...

Хор: За лесушки оно за дремучин.

Она: За часты...

Хор: За часты звезды да подвосточныя.

Или, например, в плачах свадебных:

Она: Вы не скрынь...

Хор: Вы не скрыньтесь-ко, пожалуста

Она: Да вы пе...

Хор: Да вы петелки булатни.

Она: И ты не хлом...

Хор: И ты пе хломкай, дверь дубовая

Она: По порог...

Хор: По порогу грановитому.

Последние два слога в каждом стихе как бы замирали на ее устах, по хор сполна выпевал и эти последние слоги.